Самсон Гелхвидзе

ПОЛЁТ НАД БЕЗДНОЙ

роман

18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ПОЛЁТ НАД БЕЗДНОЙ - (роман)

«Автор»
2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

ПОЛЁТ НАД БЕЗДНОЙ - (роман) / С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

Роман «Полёт над бездной» — это художественное повествование о судьбе Николоза Бараташвили, великого грузинского поэта, чья короткая жизнь оказалась наполнена несбывшимися надеждами, любовными переживаниями, разочарованиями и непреодолимой тоской по родине.Автор показывает Бараташвили не только как выдающегося представителя грузинского романтизма, но прежде всего как живого человека — мечтательного, ранимого, гордого и внутренне свободного. Через картины старого Тифлиса, человеческие отношения, служебные испытания и размышления героя постепенно раскрывается духовный мир поэта, в котором рождается бессмертный образ Мерани.Это роман о трагическом несоответствии между короткостью человеческой жизни и безграничностью творческого духа.
О человеке, который не успел осуществить многие свои мечты, но сумел оставить потомкам произведение, ставшее символом стремления к свободе и преодолению судьбы.«Полёт над бездной» — не просто роман о поэте. Это книга о бессмертии человеческой мечты.

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ПОЛЁТ НАД БЕЗДНОЙ - (роман)

ПОЛЁТ НАД БЕЗДНОЙ
(Роман)
СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Конь, который не знал остановки
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОРОД, В КОТОРОМ РОЖДАЮТСЯ МЕЧТЫ
1. Тифлис под утренним небом
2. Дом, где звучала музыка
3. Мальчик с задумчивыми глазами
4. Уроки, которые не давали книги
5. Первое столкновение с действительностью
6. Друзья юности
7. Город за крепостными стенами
8. Девушка у окна
9. Сердце, не умеющее молчать
10. Письмо, оставшееся без ответа
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЛЮБОВЬ И НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ
11. Бал, на котором всё изменилось
12. Там, где кончается юность
13. Чужой выбор
14. Разговор при свечах
15. Любовь, которой не суждено стать судьбой
16. Дороги расходятся
17. Человек среди чужих людей
18. Письма самому себе
19. Когда молчит весь мир
20. Поэт и его невидимый собеседник
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. НАД ПРОПАСТЬЮ
21. Неспокойное время
22. Грузия, которой он грезил
23. Разговор о свободе
24. Цена человеческого достоинства
25. Конь, которого ещё никто не видел
26. Рождение Мерани
27. Скачка без дороги назад
28. Тот, кто не боялся бездны
29. По ту сторону страха
30. Последняя строка
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. БЕССМЕРТИЕ НЕ УХОДИТ ВМЕСТЕ С ЧЕЛОВЕКОМ
31. Дорога в чужую сторону
32. Человек, которого не поняли
33. Последние надежды
34. Письмо из прошлого
35. Ночь, после которой не наступило утро
36. Тишина после поэта
37. Стихи, пережившие своего автора

38. Возвращение домой спустя столетие
39. Мерани продолжает свой бег
Эпилог. Полёт над бездной

ПРОЛОГ

Конь, который не знал остановки

Над землёй опускались сумерки. Последние солнечные лучи ещё удерживались на вершинах далёких гор, но внизу уже сгущалась темнота, заполняя ущелья, ложбины и глубокие расщелины, словно кто-то невидимый медленно накрывал мир огромным тёмным покрывалом.

Ветер шёл с гор. Он пробегал по сухой траве, задевал редкие кустарники, поднимал лёгкую пыль с каменистой дороги и уносил её туда, где человеческий взгляд уже не мог различить ни начала, ни конца пути.

Всадник остановился на краю обрыва.

Под ним открывалась бездна. Далеко внизу, почти неразличимая в вечерней мгле, серебрилась узкая полоска реки. За ней поднимались горы, одна за другой уходившие в сумеречную даль. Казалось, сама земля здесь обрывалась, уступая место неизвестности.

Конь переступил передними ногами и тревожно повернул голову. Он чувствовал опасность. Животное не понимало человеческих сомнений, не знало ни славы, ни бессмертия, ни той странной потребности, которая иногда заставляет человека идти туда, откуда разум советует бежать.

Всадник погладил его по шее.

— Не бойся, мой добрый. Разве мы с тобой не для дороги рождены?

Ответом было короткое фырканье. Конь снова взглянул в сторону обрыва, словно хотел напомнить хозяину, что впереди нет дороги, а есть только пустота.

Человек улыбнулся. В этой улыбке не было беспечности. Скорее, в ней угадывалась усталость того, кто слишком долго носил в себе нечто такое, чему не находилось места в обыкновенной жизни.

Он посмотрел на небо. Первые звёзды уже проступали сквозь вечернюю синеву. Где-то далеко перекликались птицы, а ветер, усиливаясь, приносил запах холодного камня и влажной земли.

— Скажи мне, друг мой, — тихо произнёс всадник, — что ждёт нас там, за последним поворотом? Новая земля? Свобода? Или только та же самая печаль, от которой мы бежим?

Конь молчал.

Человек рассмеялся, но смех его быстро растворился в ветре.

— Конечно, ты не ответишь. У тебя нет человеческого языка. Может быть, потому ты и счастливее нас. Ты не спрашиваешь, зачем живёшь. Ты просто бежишь.

Он вновь посмотрел вниз.

Возможно, всякая большая мечта начинается именно так: человек стоит перед неизвестностью и понимает, что прежняя жизнь уже не может вместить его стремлений. За спиной остаётся привычный мир со всеми его правилами, страхами и ограничениями. Впереди — то, чего ещё никто не видел и чему пока не придумано название.

Но между ними лежит пропасть.

И далеко не каждый решается её переступить.

Всадник наклонился к коню и прошептал ему что-то, чего уже не мог разобрать даже ветер. Затем выпрямился, крепче взял поводья и направил животное вдоль края обрыва, туда, где узкая тропа ещё сохраняла возможность движения.

В ту минуту казалось, будто конь действительно слышит нечто недоступное другим живым существам. Он перестал тревожно переступать ногами, поднял голову и посмотрел вперёд.

Ему предстояло бежать.

Но куда?

Ни всадник, ни конь ещё не знали ответа.

Прошло много лет, прежде чем этот образ обрёл своё бессмертное воплощение в стихах грузинского поэта. Конь, несущийся сквозь пространство и время, перестал быть просто животным. Он стал воплощением человеческой воли, стремления к свободе, невозможности смириться с тесными границами земного существования.

Его назовут Мерани.

И тогда уже никто не сможет отделить бег этого удивительного коня от судьбы человека, который однажды услышал его топот в глубине собственной души.

Но прежде чем родиться в стихах, Мерани должен был пройти долгий путь в человеческом воображении.

А начался этот путь далеко от бездны, в городе, где по утрам над Курой поднимался лёгкий туман, где на балконах сушили ковры, где звенели колокола и голоса торговцев смешивались с разговорами прохожих.

В Тифлисе.

Там, среди старинных домов и узких улиц, однажды появился на свет мальчик, которому ещё предстояло узнать, что человеческая жизнь не всегда измеряется количеством прожитых лет.

Иногда она измеряется расстоянием, которое душа успела преодолеть.

И Николоз Бараташвили ещё не знал, насколько долгой окажется дорога его Мерани.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГОРОД, В КОТОРОМ РОЖДАЮТСЯ МЕЧТЫ

Глава 1. Тифлис под утренним небом

В те годы Тифлис просыпался не сразу. Сначала над городом поднимался свет, осторожно касаясь крыш старых домов, потом где-нибудь за Метехским обрывом начинали перекликаться торговцы, и только после этого узкие улицы наполнялись голосами, стуком колёс и торопливыми шагами людей, для которых новый день редко обещал что-нибудь необыкновенное. Над Курой ещё держался утренний туман. Река медленно несла свои воды между каменистыми берегами, словно не замечая ни мостов, ни домов, ни человеческой суеты, которая из года в год возникала на её берегах и исчезала вместе с поколениями.

Тифлис был городом противоречий. Здесь рядом жили достаток и нужда, древние обычаи и новые европейские привычки, восточная неторопливость и беспокойная энергия людей, которым хотелось перемен. В одном дворе можно было услышать грузинскую песню, в соседнем — армянскую речь, а за поворотом улицы доносились русские слова чиновника, направлявшегося по служебным делам. Купцы спорили о цене товара, ремесленники открывали мастерские, женщины выносили на балконы ковры, а мальчишки, едва успев умыться, уже затевали шумные игры.

Город жил так, будто был уверен в собственном бессмертии.

Однако никто из его жителей не мог знать, что среди этих домов, лавок, садов и каменных переулков однажды родится человек, который сумеет услышать в привычном шуме жизни нечто большее. Он увидит за повседневными заботами человеческую тоску, за красотой родных гор — недостижимую мечту, а за свободным бегом коня — судьбу целого народа и, быть может, самого человека.

Пока же ничто не предвещало этого.

В одном из домов княжеской семьи Бараташвили начинался обычный день. Дом этот не был похож на шумные купеческие жилища, где с утра до вечера обсуждали торговые дела и принимали многочисленных посетителей. Здесь чувствовалась другая жизнь — более сдер-

жанная, связанная с семейными традициями, службой, воспитанием детей и тем особым представлением о достоинстве, которое в грузинских дворянских семьях нередко передавалось не столько словами, сколько ежедневным примером.

Семья Бараташвили принадлежала к старинному грузинскому княжескому роду. Её положение обязывало соблюдать определённые правила, поддерживать родственные связи, помнить о предках и не забывать, что фамилия — это не только наследство, но и ответственность. Впрочем, за внешней строгостью семейного уклада скрывались обычные человеческие заботы: здоровье близких, воспитание детей, расходы, служебные обстоятельства и надежды на будущее.

В доме уже давно проснулись. Из одной комнаты доносился негромкий женский голос, в другой кто-то передвигал мебель, а на кухне звякала посуда. Слуги готовили завтрак, стараясь не нарушать покоя хозяев. У окна стоял небольшой столик, на котором лежали несколько книг и раскрытая тетрадь. Рядом находилась чернильница с тяжёлой крышечкой.

Однажды эта тетрадь станет для мальчика почти таким же необходимым спутником, как собственные мысли. Но пока она оставалась всего лишь частью домашнего убранства.

Мальчик ещё не появился в этой истории. Сначала следует познакомиться с людьми, которым предстояло стать его первым миром.

В семье, где вскоре родится Николоз, особое место занимала мать. Её забота не всегда выражалась ласковыми словами. Иногда она могла быть строгой, требовательной и даже непреклонной, особенно когда речь шла о воспитании детей. Но именно в материнском голосе ребёнок впервые узнаёт интонации родного дома, а в материнском взгляде учится различать добро и тревогу.

Отец принадлежал к тому поколению грузинского дворянства, которому приходилось приспосабливаться к изменившимся обстоятельствам. Старые представления о службе и общественном положении сталкивались с новыми порядками, а привычный мир постепенно становился частью большой имперской действительности. Человек мог сохранять верность родной земле и одновременно служить в учреждениях, созданных чужой властью. В этом не всегда было противоречие: для многих грузинских семей подобная жизнь стала повседневностью.

Впрочем, маленькому ребёнку ещё предстояло узнать, насколько сложным бывает мир взрослых.

За окнами становилось светлее. Солнце поднялось над городом, и его лучи легли на стены домов, на каменные ступени и на далёкие склоны, окружавшие Тифлис. Где-то внизу раздался голос продавца, предлагавшего свежий хлеб. Ему ответил другой голос, затем послышался смех.

— Опять с самого утра шумят, — заметил кто-то из домашних.

— А когда здесь было тихо? — ответила женщина. — Тифлис без шума был бы уже не Тифлисом.

Слова эти прозвучали почти шутливо, но в них заключалась правда. Город никогда не принадлежал только одному времени. Он хранил память о прошлом и одновременно стремился навстречу будущему.

Вскоре в этом доме появится ребёнок, которому предстоит пройти через короткую жизнь, наполненную надеждами, разочарованиями, любовью и одиночеством. Он будет искать своё место среди людей, пытаться понять устройство окружающего мира и всё чаще замечать, что действительность редко совпадает с мечтами.

Но до этого ещё далеко.

Пока над Тифлисом стояло ясное утро. Кура продолжала свой неторопливый бег, на улицах начиналась обычная городская жизнь, и никто не думал о том, что время уже готовит для Грузии одного из самых необыкновенных её поэтов.

Впрочем, сама история редко предупреждает о появлении великих людей.

Она просто открывает дверь, впускает в мир нового человека и оставляет ему право самому найти дорогу.

Конец 1-й главы.

Глава 2. Дом, где звучала музыка

В доме Бараташвили музыка не была редкой гостьей. Она появлялась здесь не по торжественным случаям и не только тогда, когда собирались родственники или приглашённые гости. Иногда достаточно было тихого вечера, когда дневные заботы наконец отступали, чтобы кто-нибудь из домашних подошёл к инструменту, открыл крышку и коснулся клавиш. Первые звуки возникали осторожно, словно проверяли, готов ли дом принять их, а затем мелодия постепенно наполняла комнаты, проникала в коридор и задерживалась у приоткрытых дверей.

Впрочем, музыка в грузинском доме жила не только в инструментах. Она звучала в застольных песнях, в голосах старших, в неспешных разговорах, в воспоминаниях о родных местах. Даже обычная беседа порой приобретала особую интонацию, когда кто-нибудь начинал рассказывать о прошлом. Слова тогда переставали быть простым сообщением о событиях и превращались в маленькое представление, где у каждого человека находилось своё место.

В семье Бараташвили знали цену родословной, семейной памяти и хорошему воспитанию. Но, как и в любом доме, здесь не обходилось без разногласий. Взрослые могли спорить о службе, о положении семьи, о будущем детей, а потом неожиданно переходить к воспоминаниям, которые примиряли даже тех, кто ещё несколько минут назад не соглашался друг с другом.

Однажды вечером в гостиной собрались несколько родственников. За окном уже темнело, и в комнате зажгли лампы. На столе стояли чайник, чашки, блюдо с фруктами и небольшая тарелка сладостей. Разговор сначала касался обычных домашних дел, но постепенно перешёл к музыке.

— Ты опять собираешься играть? — спросила одна из женщин, заметив, как молодой человек подошёл к инструменту.

— Если мне не запретят, — ответил он с улыбкой.

— Запрещать музыку в этом доме было бы бесполезно. Она всё равно нашла бы дорогу.

Все рассмеялись.

Молодой человек сел, некоторое время смотрел на клавиши, словно выбирал не произведение, а настроение, и наконец начал играть. Мелодия была негромкой, задумчивой. В ней не было ни праздничной торжественности, ни желания поразить слушателей виртуозностью. Она словно рассказывала о чём-то далёком, о дороге, которая уходит за горизонт и не обещает скорого возвращения.

Разговоры постепенно стихли.

Один из старших слушал, слегка прикрыв глаза. Женщина у окна перестала перебирать рукоделие. Даже человек, который до этого с явным нетерпением ожидал окончания музыкального вечера, теперь не торопился взглянуть на часы.

Когда мелодия закончилась, в комнате ещё несколько мгновений сохранялась тишина.

— Хорошо, — произнёс старший мужчина. — Только слишком печально.

— Разве музыка обязана быть весёлой? — спросил исполнитель.

— Нет. Но человек и без неё находит достаточно поводов для печали.

— Тогда, может быть, музыка и нужна для того, чтобы эту печаль понять?

Старший посмотрел на него внимательнее, но спорить не стал.

— Возможно. Только не забывай, что жизнь состоит не из одних чувств. Есть обязанности, есть люди, которые рассчитывают на тебя, есть дела, которые нельзя откладывать ради красивых мыслей.

— Я не собираюсь отказываться от дел.

— Хорошо. Тогда мы понимаем друг друга.

В этот вечер разговор продолжился, но уже без прежней серьёзности. Кто-то вспомнил забавный случай из поездки, кто-то заговорил о родственниках, живших за пределами Тифлиса. Музыка отступила, уступив место обычному человеческому общению.

Однако её отголосок ещё долго оставался в комнате.

Дом Бараташвили был частью большого города, но имел собственный внутренний мир. Здесь дети постепенно усваивали правила поведения, узнавали семейные истории, слушали рассказы о людях, которых никогда не видели, и привыкали к мысли, что прошлое не исчезает бесследно. Оно продолжает жить в привычках, именах, семейных преданиях и даже в том, как человек произносит отдельные слова.

Для будущего Николоза всё это станет первым уроком культуры. Не школьной, не книжной, а той, которую невозможно получить только из учебников. Он будет впитывать её постепенно, иногда не замечая, как формируются его представления о красоте, достоинстве и человеческой душе.

Но пока в доме просто жили люди, каждый со своим характером и своими заботами.

В одном из окон вечером ещё долго горел свет. За ним двигались тени, слышались голоса, иногда раздавался смех. Город засыпал, а дом продолжал хранить своё тепло.

И если бы кто-нибудь в ту пору спросил, что связывает музыку, семейную память и судьбу ещё не родившегося поэта, никто не смог бы дать точного ответа.

Пожалуй, только время знало, что всё это однажды соединится в стихах Николоза Бараташвили.

Идём дальше, родной! Теперь в центре повествования появляется сам Николоз — Тато, как называли его близкие. Здесь особенно важно показать не будущего классика, каким его знает история литературы, а ребёнка, который ещё только открывает для себя окружающий мир.

Конец 2-й главы.

Глава 3. Мальчик с задумчивыми глазами

В доме, где рос Николоз Бараташвили, не сразу поняли, насколько необычным ребёнком он станет. Впрочем, разве можно распознать будущую судьбу человека по тому, как он смотрит на окружающих, о чём спрашивает взрослых или почему иногда надолго замолкает посреди весёлой игры?

Его называли Тато. Это домашнее имя было гораздо теплее и привычнее полного имени Николоз, которое звучало торжественно и словно заранее предполагало некоторую серьёзность. Тато же оставался просто мальчиком, которому полагалось расти, учиться, слушаться старших и не слишком огорчать мать своими шалостями.

Он родился в Тифлисе 4 декабря 1817 года. Его отцом был князь Мелитон Бараташвили, человеком непростой судьбы, а матерью — Ефимия Орбелиани, происходившая из известного грузинского рода. По материнской линии мальчик был связан с царским домом Ираклия II. Однако родовитое происхождение не означало беззаботной жизни: материальное положение семьи постепенно ухудшалось, и за внешним достоинством дворянского дома скрывались заботы, которые взрослые старались не перекладывать на детей.

georgianencyclopedia.ge+2

Мать занимала в жизни Тато особое место. Ефимия была образованной женщиной, хорошо знала грузинскую литературу и отличалась тонким пониманием национальных традиций. Именно она пробудила в сыне любовь к родному слову, познакомила его с литературным наследием предков и помогла почувствовать, что язык — это не только средство общения, но и память народа.

В детстве Тато, вероятно, не задумывался о подобных вещах. Он просто слушал мать, когда она читала или рассказывала что-нибудь из услышанного в юности. Иногда ему нрави-

лось само звучание слов, иногда — история, скрывавшаяся за ними. Бывали минуты, когда он просил повторить понравившийся отрывок, хотя уже знал его почти наизусть.

— Ты опять хочешь слушать то же самое? — могла спросить Ефимия, замечая, что сын устроился рядом с ней и приготовился внимать.

— А разве нельзя слушать дважды?

— Можно. Но разве ты не помнишь, чем всё заканчивается?

— Помню.

— Тогда зачем?

Мальчик немного подумал.

— Потому что мне нравится, как это рассказывают.

Ефимия улыбнулась. Ей, должно быть, было приятно видеть, что сын замечает не только содержание рассказа, но и красоту самого повествования.

— Значит, ты слушаешь не только ушами, Тато.

— А чем ещё?

— Иногда сердцем.

Мальчик не стал спорить. Он ещё не вполне понимал смысл материнских слов, но запомнил их интонацию.

Отец, Мелитон Бараташвили, был человеком иного склада. Его жизнь проходила в мире служебных обстоятельств, денежных затруднений и отношений с людьми, от которых порой зависело благополучие семьи. Он принадлежал к дворянству, привыкшему помнить о своём положении, но прежние возможности рода уже не соответствовали действительности.

Мелитон не всегда умел скрывать раздражение. Когда дела складывались неудачно, его настроение менялось, и домашние старались не беспокоить его по пустякам. Тато наблюдал за отцом, как наблюдают дети, ещё не умеющие объяснить увиденное, но уже способные различать человеческие состояния.

Однажды, услышав разговор взрослых о деньгах, мальчик спросил:

— Отец, почему люди так часто говорят о деньгах?

Мелитон посмотрел на сына.

— Потому что без них трудно жить.

— А если у человека много денег, ему уже легко?

Отец усмехнулся.

— Не всегда. Иногда денег много, а покоя нет.

— А что тогда нужно человеку, чтобы был покой?

Мелитон не сразу ответил. Возможно, вопрос показался ему слишком серьёзным для детского возраста.

— Хорошая семья, здоровье, честное имя. И чтобы человек умел довольствоваться тем, что имеет.

— А если ему хочется чего-то другого?

— Тогда ему придётся самому решить, что важнее: желание или возможность.

Тато задумался. Взрослые часто говорили о возможностях, но ему казалось, что они не всегда замечают желания. Может быть, потому, что желания нельзя положить на стол, пересчитать или обменять на необходимые вещи.

Он ещё не знал, что однажды сам столкнётся с этим противоречием.

Детство, однако, не состояло из одних серьёзных разговоров. Тато любил наблюдать за людьми, прислушивался к уличным голосам, запоминал лица и мог увлечься самой обыкновенной сценой, мимо которой другие проходили, не задерживаясь. Ему были интересны не только события, но и причины, по которым люди поступали именно так, а не иначе.

Если кто-нибудь из домашних сердился, мальчик мог долго размышлять, почему вчера тот же человек смеялся и шутил, а сегодня не желает разговаривать. Если взрослые спорили,

Тато пытался понять, кто из них прав, хотя постепенно замечал, что правда не всегда принадлежит одному человеку целиком.

Особенно его привлекали истории о прошлом. В них жили люди, которых уже не было рядом, но их поступки продолжали обсуждать, их имена произносили с уважением или сожалением, а их судьбы становились частью семейной памяти.

По материнской линии Тато был родственником Григола Орбелиани — поэта, военного и общественного деятеля, который впоследствии сыграет важную роль в истории грузинской культуры. Для мальчика имя дяди постепенно становилось не просто именем известного родственника, а напоминанием о том, что слово может иметь вес, а поэзия — быть частью жизни общества.

dspace.nplg.gov.ge+1

Но пока Тато был ещё слишком мал, чтобы осознать значение этого родства.

Его мир оставался домашним и близким: материнский голос, отцовские наставления, разговоры старших, книги, городские улицы и бесконечное множество впечатлений, из которых постепенно складывался характер.

Иногда он подолгу смотрел в окно. За ним двигалась жизнь Тифлиса: проезжали экипажи, шли прохожие, кто-то останавливался у соседнего дома, кто-то торопился по своим делам. Вдалеке поднимались горы, и их очертания менялись в зависимости от времени суток. Утром они казались близкими и ясными, к вечеру уходили в синеву, словно приглашая воображение туда, куда ещё не ступала нога.

— Тато, ты опять задумался? — спрашивала мать.

— Нет, мама.

— Тогда почему молчишь?

— Я смотрю.

— На что?

— На город.

Ефимия подходила к окну и становилась рядом.

— Разве ты его раньше не видел?

— Видел. Но сегодня он другой.

Она взглянула на сына. За окном действительно ничего необычного не происходило. Тот же свет, те же крыши, те же улицы. Однако спорить с детским восприятием она не стала.

— Может быть, это ты сегодня смотришь на него иначе, — сказала она.

Тато повернулся к матери, словно хотел задать ещё один вопрос, но передумал.

Возможно, именно в такие минуты и начиналось то, что позднее станет поэтическим зрением Николоза Бараташвили. Не внезапное озарение и не чудесный дар, проявившийся однажды среди обычных детских занятий, а медленное накопление впечатлений, чувств и вопросов, на которые взрослые не всегда могли дать ответ.

Мальчик ещё не знал, что ему предстоит пережить разочарования, несбывшиеся надежды и раннее расставание с родным городом. Он не знал, что его собственная жизнь окажется намного короче, чем жизнь многих людей, чьи имена он будет слышать за семейным столом.

Пока он просто рос.

И каждый новый день добавлял к его внутреннему миру ещё одну подробность: слово, мелодию, человеческое лицо, случайный разговор или вид далёких гор.

Тогда никто не мог предсказать, какие из этих воспоминаний однажды вернутся к нему в стихах.

Но, быть может, именно из них и складывалась та невидимая дорога, по которой через много лет помчится Мерани.

Конец 3-й главы.

Глава 4. Уроки, которые не давали книги

В те годы дорога к Тифлисскому благородному училищу стала для Тато частью привычного распорядка жизни. Утром город ещё только пробуждался, над крышами домов поднимался лёгкий дымок, торговцы начинали раскладывать свой товар, а на узких улицах уже слышались голоса извозчиков, звон колокольчиков и перекличка людей, спешивших по своим делам. Тато шёл рядом с сопровождавшим его взрослым или, когда позволяли обстоятельства, старался пройти часть пути самостоятельно. Он любил смотреть по сторонам, замечая то, мимо чего другие проходили, не задерживая взгляда.

Училище встречало учеников строгим фасадом и деловой тишиной. Здесь не было домашнего тепла, к которому мальчик привык в доме родителей, зато существовал особый порядок, требовавший собранности и внимания. В классах пахло деревом, бумагой, чернилами и зимней одеждой, высыхавшей после дождя. На партах лежали книги и тетради, а у доски учителя терпеливо ожидали, когда ученики займут свои места.

Тато быстро понял, что школа отличается от всего, что он знал прежде. Дома можно было спросить мать о непонятном слове, услышать её рассказ о старинной грузинской книге, а затем незаметно перейти к разговору о людях, которых она знала или о которых читала. В училище же каждый предмет имел своё место, каждый урок — своё время, а ответ ученика должен был соответствовать заданному вопросу.

Однако среди преподавателей был человек, чьи занятия постепенно стали для Тато чем-то большим, чем обычное обучение. Это был Соломон Додашвили.

Он не производил впечатления человека, которому необходимо постоянно напоминать о своём положении. В его облике не было показной суровости, а в голосе — привычки подавлять собеседника. Он умел говорить спокойно, но так, что ученики невольно прислушивались. Его интересовали не только правильные ответы, но и то, каким путём мальчик пришёл к своему выводу.

Однажды, когда класс занимался чтением и разбором текста, Додашвили остановился возле парты Тато.

— Ты уже закончил?

— Да, господин учитель.

— Тогда скажи, что ты понял из прочитанного.

Тато поднял глаза. Он знал, что текст можно пересказать почти дословно, назвать действующих лиц и объяснить значение незнакомых выражений. Но вопрос прозвучал иначе. Учитель спрашивал не о содержании, а о том, что осталось у него в душе после чтения.

— Мне кажется, — начал мальчик, немного помедлив, — что человек иногда говорит одно, а думает совсем другое.

Додашвили слегка улыбнулся.

— Это ты заметил в книге или в жизни?

— И там, и там.

— Значит, ты читаешь внимательнее, чем некоторые взрослые.

Несколько учеников тихо засмеялись. Тато смутился, опустил взгляд и принялся поправлять лежавшую перед ним тетрадь.

— Не торопись стесняться своих мыслей, — сказал учитель. — Но и не торопись считать их истиной. Мысль должна пройти испытание сомнением. Только тогда она чего-нибудь стоит.

Эти слова запомнились Тато, хотя в тот день он ещё не мог до конца понять их значение.

Соломон Додашвили принадлежал к поколению грузинских просветителей, для которых образование было не просто способом получить положение или устроить собственную жизнь. Они видели в знании возможность пробуждения человека, его внутренней самостоятельности и способности отвечать за свои поступки. Он был философом, писателем и публицистом, человеком, которого волновала судьба родного языка и культуры. Для учеников он прежде всего оставался учителем, но за его уроками чувствовалось нечто большее, чем школьная программа.

Тато постепенно начал замечать, что Додашвили редко удовлетворяется механическим повторением выученного. Если ученик называл правильную дату, учитель мог спросить, почему это событие произошло именно тогда. Если мальчик пересказывал прочитанное, он интересовался, согласен ли тот с поступком героя. Иногда вопрос казался простым, но ответить на него было гораздо труднее, чем на целую страницу учебника.

— Представьте себе, — сказал однажды Додашвили, обращаясь к классу, — что перед вами два человека. Один знает множество книг и умеет красиво говорить. Другой знает меньше, но способен признать свою ошибку и не поступиться совестью ради выгоды. Кого из них вы назовёте образованным?

— Первого, — поспешно ответил один из учеников. — Он ведь больше знает.

— А если он использует свои знания, чтобы обманывать людей?

Мальчик замолчал.

— Тогда второго, — отозвался кто-то с задней парты.

— Почему?

— Потому что он честнее.

Учитель обвёл взглядом класс.

— Вот об этом и следует думать. Знание без нравственного основания может стать опасным оружием. Человеку недостаточно научиться читать книги. Он должен научиться читать собственные поступки.

Тато слушал, не отрывая взгляда от учителя. Ему нравилось, когда разговор выходил за пределы учебного задания и открывал перед ним вопросы, на которые нельзя было найти готовый ответ в конце главы.

После урока он задержался у парты, медленно складывая книги. Большинство учеников уже вышли в коридор, где раздавались голоса и шаги.

— Господин Додашвили, можно вас спросить?

— Конечно, Тато. Что тебя занимает?

— Вы сказали, что человек должен уметь читать собственные поступки. А если он понимает, что поступил неправильно, но уже ничего не может исправить?

Учитель не сразу ответил. Он посмотрел на мальчика внимательнее, словно хотел убедиться, что вопрос возник не из желания продолжить разговор, а действительно беспокоит его.

— Тогда ему следует хотя бы не повторять своей ошибки, — сказал он. — Не всё в нашей власти можно вернуть. Но почти всегда остаётся возможность изменить то, что мы сделаем завтра.

— Значит, прошлое уже не принадлежит нам?

— Оно принадлежит нам, Тато, но не так, как настоящее. Прошлое нельзя переделать, зато можно понять. А тот, кто не хочет понимать собственных ошибок, рискует всю жизнь наступать на одни и те же камни.

Мальчик кивнул. Ему хотелось задать ещё несколько вопросов, но он почувствовал, что учитель торопится, и отошёл.

В тот вечер он долго думал об их разговоре. Дома мать заметила, что сын необычно молчалив.

— Что случилось, Тато? — спросила Ефимия, когда они остались вдвоём. — Ты сегодня словно принёс из училища какую-то тайну.

— Нет, мама. Просто учитель говорил о том, что нельзя исправить прошлое.

— А ты с ним не согласен?

— Я не знаю. Если человек совершил что-нибудь плохое, разве ему достаточно просто больше так не поступать?

Ефимия отложила книгу.

— Нет, сынок. Одного обещания мало. Иногда нужно попросить прощения, иногда — исправить причинённый вред. А иногда человек должен всю жизнь помнить о том, что сделал, чтобы никогда больше не причинять такой боли другим.

— Но если он не может попросить прощения?

— Тогда пусть хотя бы не обманывает себя. Совесть редко оставляет человека в покое, если он действительно виноват.

Тато задумался.

— Получается, совесть тоже учит?

— Иногда лучше любого учителя, — ответила мать. — Только её уроки не всегда бывают лёгкими.

Он посмотрел на лежавшую перед ней книгу. На обложке были видны следы времени, потемневшие края страниц и потёртый переплёт. Мальчик знал, что мать дорожит этой книгой, хотя никогда не обращалась с ней как с драгоценностью. Она читала её так, словно разговаривала с кем-то, кто жил далеко от неё, но оставался близким.

— Мама, а можно научиться понимать людей по книгам?

— Можно научиться замечать в них то, чего раньше не замечал. Но понять живого человека до конца невозможно, если никогда не слушать его самого.

— А если он молчит?

Ефимия улыбнулась.

— Тогда придётся быть терпеливым. Не каждый человек умеет сразу рассказать о том, что у него на сердце.

Возможно, именно тогда Тато впервые почувствовал, что литература и жизнь неразделимы. Книга могла открыть перед ним чужую судьбу, но настоящая человеческая боль не всегда укладывалась в строки. Чтобы понять другого, нужно было не только читать, но и наблюдать, слушать, сопереживать, а порой просто находиться рядом, не требуя объяснений.

В училище у него появились товарищи, с которыми он проводил немало времени. Среди них были мальчики с разными характерами и разными семейными обстоятельствами. Одни охотно спорили, другие предпочитали держаться в стороне, третьи старались обратить на себя внимание учителей. Тато не стремился стать главным в компании, но его присутствие постепенно начинали замечать. Он мог долго слушать чужой спор, а потом неожиданно произнести фразу, которая заставляла остальных взглянуть на предмет разговора иначе.

Однажды во время перемены несколько учеников заговорили о будущем. Один мечтал о военной службе, другой хотел попасть на государственную службу, третий уверял, что непременно отправится учиться за пределы Грузии.

— А ты, Тато, чего хочешь? — спросил его один из товарищей.

— Пока не знаю.

— Как это не знаешь? Все чего-нибудь хотят.

— Я тоже хочу, только ещё не понимаю, что именно.

— Значит, ты хочешь всего сразу, — рассмеялся мальчик.

Тато улыбнулся, но спорить не стал.

Ему действительно хотелось многого. Он мечтал о знаниях, о далёких странах, о возможности увидеть мир за пределами знакомых улиц. Его привлекала мысль о путешествии в Россию, где можно было бы продолжить образование. Но пока это было лишь желанием, которое не имело ни ясного плана, ни определённой дороги.

— А если бы тебе предложили уехать завтра, ты бы согласился? — спросил товарищ.

— Наверное, да.

— И совсем не жалко было бы оставить Тифлис?

Тато посмотрел на него с удивлением.

— Я ведь не перестал бы любить его только потому, что оказался бы далеко.

Товарищ пожал плечами, не найдя, что ответить.

Но для самого Тато этот вопрос оказался неожиданно важным. Он вдруг понял, что мечта об отъезде не означает желания забыть родной город. Напротив, чем больше он узнавал о других странах, тем яснее чувствовал связь с местом, где родился. Тифлис не был для него просто точкой на карте. Здесь находились дом, родители, знакомые улицы, голоса людей, запахи дворов и шум Куры. Здесь начиналась его память, а значит, отсюда начиналось и всё, что ему предстояло написать, даже если он тогда ещё не подозревал об этом.

Учитель продолжал открывать перед учениками мир, который не помещался в школьных книгах. Он говорил о значении языка, о необходимости образования, о достоинстве человека. Не всякий урок превращался в философскую беседу, и не всякое слово находило немедленный отклик. Иногда Тато уставал, отвлекался, думал о доме или о том, что увидел по дороге в училище. Он оставался обычным мальчиком, которому хотелось смеяться с товарищами, спорить, играть и иногда не думать ни о чём серьёзном.

Но некоторые мысли уже не отпускали его.

Особенно его занимало отношение человека к родному языку. Он слышал вокруг грузинскую речь, но в городе звучали также русский, армянский, персидский и другие языки. В разных кварталах менялись вывески, обычаи, интонации, даже способы приветствия. Тифлис был городом, где люди постоянно соприкасались друг с другом, не переставая оставаться разными.

— Почему люди иногда стесняются говорить на своём языке? — спросил Тато однажды во время беседы с учителем.

Додашвили посмотрел на него.

— А ты встречал таких людей?

— Иногда мне кажется, что некоторые считают другой язык более важным.

— Язык сам по себе не делает человека выше или ниже другого. Каждый народ имеет право хранить свою речь, свои песни, свои книги. Но для этого недостаточно гордиться прошлым. Нужно продолжать создавать настоящее.

— Значит, если мы не будем писать на своём языке, он может исчезнуть?

— Язык живёт, пока на нём говорят, думают, спорят, поют и пишут. Он не нуждается в громких обещаниях. Ему нужны люди, которые не ленятся передавать его следующим поколениям.

Эти слова Тато запомнил. Позднее, когда он сам начнёт искать собственную поэтическую речь, ему придётся столкнуться с трудностями, о которых мальчик пока не мог даже догадываться. Но уже теперь он чувствовал, что слово — не простое украшение человеческой жизни. Оно сохраняет память, связывает людей и позволяет одному поколению услышать другое.

Однажды после занятий он увидел Додашвили во дворе училища. Учитель стоял у окна и беседовал с другим преподавателем. Тато хотел пройти мимо, но Додашвили заметил его и жестом подозвал.

— Ты сегодня куда-то спешишь?

— Нет, господин учитель. Я просто собирался домой.

— Тогда скажи мне: о чём ты думаешь, когда остаёшься один?

Тато растерялся. Такой вопрос он не ожидал услышать.

— О разном.

— Это понятно. А что из этого разного возвращается чаще всего?

Мальчик задумался.

— Иногда я думаю, почему люди не могут жить так, чтобы не причинять друг другу зла.

Додашвили внимательно посмотрел на него.

— А ты уверен, что они этого не хотят?

— Не знаю. Но ведь многие знают, что поступают неправильно, и всё равно продолжают.

— Потому что знать о добре и быть способным поступать по-доброму — не одно и то же. Между ними иногда лежит вся человеческая жизнь.

— Значит, человеку трудно стать лучше?

— Очень трудно. Но если бы это было невозможно, не стоило бы учиться, читать, воспитывать детей и писать книги.

Учитель положил руку ему на плечо.

— Не старайся слишком рано найти ответы на все вопросы, Тато. Сохрани способность задавать их. Человек, который перестал спрашивать себя, правильно ли он живёт, может однажды обнаружить, что прожил чужую жизнь.

Мальчик вышел из училища с необычным чувством. Слова учителя не были похожи на наставления, которые взрослые иногда произносят детям, желая заставить их вести себя послушно. В них не было требования немедленно согласиться. Напротив, Додашвили словно оставлял ему право сомневаться, размышлять и искать собственную дорогу.

В последующие годы Тато ещё не раз вспоминал эти разговоры. Он не мог знать, что судьба его учителя окажется трагической. Соломон Додашвили был связан с теми событиями грузинской истории, которые позднее получат название заговора 1832 года. После его раскрытия последовали аресты и суровые наказания. Додашвили был отправлен в ссылку, где в 1836 году умер, так и не вернувшись на родину.

Для Тато это будет не просто потеря одного из преподавателей. Он увидит, как легко человек, посвятивший себя просвещению и служению родной культуре, может оказаться бессилен перед жестокими обстоятельствами времени.

Но пока до этого было ещё несколько лет.

Пока учитель входил в класс, раскрывал книгу и задавал вопросы, на которые не всегда существовало правильных ответов. Пока мальчик возвращался домой, рассказывая матери о занятиях, а затем оставался у окна, наблюдая, как вечер постепенно опускается на город.

В его сознании медленно складывался особый мир. В нём рядом существовали прочитанные книги, материнские рассказы, отцовская сдержанность, шумные улицы Тифлиса и слова учителя, которые заставляли задумываться о человеческом достоинстве. Всё это ещё не становилось стихами, но уже подготавливало почву для них.

Тато не знал, что однажды ему придётся говорить о свободе, одиночестве, любви и судьбе так, как до него не говорил никто. Он ещё не знал своего Мерани и не слышал его стремительного бега. Но в мальчике, который внимательно слушал взрослых и не спешил соглашаться с готовыми ответами, уже пробуждался человек, которому однажды станет тесно в пределах привычной жизни.

А пока он просто учился. И, сам того не замечая, усваивал самые важные уроки — те, которым не было отдельной страницы ни в одной школьной книге.

Конец 4-й главы.

Глава 5. Первое столкновение с действительностью

Детство редко заканчивается в тот день, когда человек впервые понимает, что мир устроен несправедливо. Чаще оно уходит постепенно, почти незаметно: сначала исчезает беззаботность, потом привычная уверенность в том, что взрослые способны решить любую проблему, а однажды приходит понимание, что даже самые близкие люди не всегда могут исполнить желания тех, кого любят.

Тато приближался к тому возрасту, когда подобные открытия становятся неизбежными. Он уже не был маленьким мальчиком, которого можно было отвлечь интересной книгой или прогулкой по городу. Его занимали вопросы, на которые родители не всегда могли дать ответ, а некоторые ответы, напротив, старались от него скрыть.

Он замечал, что в доме всё чаще говорят о деньгах. Разговоры взрослых обрывались, когда он входил в комнату, а мать иногда откладывала покупку какой-нибудь вещи, объясняя

это тем, что она пока не нужна. Отец, князь Мелитон Бараташвили, сохранял привычную сдержанность, но Тато уже научился различать в его молчании усталость и тревогу.

Семья принадлежала к грузинскому дворянству, однако прежнее положение рода не означало достатка. За фамилией, происхождением и памятью о предках не всегда стояли деньги, необходимые для спокойной жизни. Тато постепенно начинал понимать эту разницу. Взрослые могли говорить о чести рода, о достоинстве и обязанностях, но повседневная жизнь требовала совсем других расчётов.

Однажды вечером он застал отца за письменным столом. Перед Мелитоном лежали бумаги, несколько писем и раскрытая книга счетов. Отец что-то подсчитывал, время от времени откладывая перо и задумчиво проводя рукой по лбу.

— Ты ещё не спишь? — спросил он, заметив сына.

— Нет, отец. Я хотел поговорить с тобой.

— Тогда садись. Что случилось?

Тато устроился напротив. Он некоторое время рассматривал бумаги, стараясь понять, чем так занят отец, но спрашивать о них не решался.

— Я хотел узнать, правда ли, что после окончания училища можно продолжить учёбу в России.

Мелитон отложил перо.

— Можно. Если для этого есть возможность.

— А что для этого нужно?

— Прежде всего хорошее образование, затем разрешение и средства на дорогу и содержание. Одного желания, как ты понимаешь, недостаточно.

— Я бы очень хотел учиться дальше.

— Я знаю.

— Мне кажется, там можно узнать гораздо больше. Увидеть другие города, познакомиться с учёными, прочитать книги, которых здесь нет.

Отец слушал внимательно. В его взгляде не было насмешки, но и той радости, которую Тато надеялся увидеть, тоже не было.

— Ты ещё молод, сын. Не следует думать, будто всё, что находится далеко, непременно лучше того, что рядом.

— Я так не думаю. Но разве плохо хотеть увидеть мир?

— Нет. Плохо только забывать, что у всякого путешествия есть цена, а у всякого решения — последствия.

Тато опустил глаза. Он понял, что разговор закончился, хотя отец ещё ничего прямо не запретил.

— Значит, пока это невозможно?

Мелитон помолчал.

— Я не хочу давать тебе обещаний, которые не смогу исполнить.

Эти слова оказались тяжелее прямого отказа. Тато поблагодарил отца и вышел, стараясь не показать разочарования. Он не сердился на Мелитона. Напротив, ему было жаль, что человек, которого он привык считать сильным и способным справиться с любыми обстоятельствами, вынужден признавать собственное бессилие.

В коридоре он встретил мать. Ефимия, судя по всему, слышала часть разговора.

— Ты расстроился? — спросила она.

— Нет, мама. Только я думал, что если хорошо учиться, то можно добиться всего.

— Хорошая учёба открывает многие двери, но не все они открываются сразу.

— Тогда зачем человеку мечтать о том, чего он не может получить?

Ефимия посмотрела на сына с особой нежностью.

— Потому что мечта помогает ему не останавливаться там, где обстоятельства поставили преграду. Но нужно научиться отличать мечту от требования к жизни. Она не обязана исполнять всё, чего мы хотим.

Тато задумался.

— А если человек очень старается?

— Тогда он хотя бы не сможет упрекнуть себя в том, что ничего не сделал.

Мать погладила его по волосам, и он почувствовал, что разговор с ней не избавил его от огорчения, но помог немного иначе взглянуть на случившееся.

В училище он стал чаще замечать различия между собой и некоторыми товарищами. Одни рассказывали о поездках, которые их семьи собирались предпринять, другие говорили о знакомых, способных помочь им поступить на службу или продолжить образование. Для них будущее представлялось дорогой, на которой достаточно выбрать направление. Тато же всё яснее понимал, что его собственная дорога будет зависеть не только от способностей и желания.

Особенно остро он ощутил это, когда однажды после занятий несколько учеников заговорили о военной службе. Разговор начался с обычных мальчишеских рассуждений о мундирах, лошадях и дальних походах, но постепенно превратился в спор о том, кем каждый хотел бы стать.

— Я непременно буду военным, — заявил один из товарищей. — Не хочу всю жизнь просидеть за бумагами.

— А я, пожалуй, предпочёл бы государственную службу, — возразил другой. — Там можно добиться положения и помогать семье.

— А ты, Тато? — спросили его.

Он пожал плечами.

— Пока не решил.

— Ты всё ещё мечтаешь об учёбе в России?

— Да.

— А потом?

— Потом посмотрим.

— Хороший ответ, — усмехнулся товарищ. — Так можно прожить всю жизнь, ничего не решив.

Тато не стал спорить, но слова задели его. Он и сам понимал, что неопределённость не может продолжаться бесконечно. Однако ему не хотелось выбирать занятие только потому, что оно считалось подходящим или обещало надёжное положение.

Вскоре он столкнулся ещё с одним обстоятельством, которое заставило его задуматься о будущем. Его физические особенности не позволяли рассчитывать на ту военную карьеру, о которой мечтали некоторые молодые люди его круга. Хромота, мешавшая ему, стала не просто телесной особенностью, а напоминанием о границах, которые невозможно преодолеть одним усилием воли.

Тато не любил говорить об этом. Он не желал, чтобы окружающие смотрели на него с жалостью, и особенно не переносил снисходительных замечаний. Иногда он замечал, что кто-то из товарищей задерживает на нём взгляд, а потом поспешно отворачивается. Это раздражало его сильнее, чем открытая насмешка.

Однажды после занятий он задержался во дворе. Несколько учеников собирались устроить небольшое состязание, и один из них, заметив Тато, предложил ему присоединиться.

— Пойдём с нами. Посмотрим, кто быстрее доберётся до ворот.

Тато посмотрел на товарища, затем на остальных мальчиков.

— Нет, сегодня не буду.

— Почему? Боишься проиграть?

Вопрос был задан вроде бы шутливо, но прозвучал неприятно.

— Я не обязан участвовать в каждом состязании, чтобы доказать тебе, что чего-то стою.

Мальчик покраснел.

— Я ведь не хотел тебя обидеть.

— Тогда не нужно говорить того, чего сам не понимаешь.

Тато ушёл, чувствуя, как внутри поднимается раздражение. Он знал, что товарищ не собирался причинить ему боль, но добрые намерения не всегда избавляют от последствий неосторожных слов.

Дома мать заметила его настроение.

— Ты сегодня опять чем-то недоволен?

— Я устал от того, что люди считают необходимым объяснять мне, чего я не могу.

— А ты сам не знаешь?

— Знаю.

— Тогда почему тебя так задевают их слова?

Тато хотел ответить сразу, но не нашёл подходящих слов.

— Потому что я не хочу, чтобы меня оценивали только по этому.

Ефимия внимательно посмотрела на него.

— И правильно. Человека нельзя измерить одной особенностью. Но помни, сынок: если ты будешь всю жизнь доказывать окружающим, что они неправы, у тебя не останется времени на то, чтобы стать самим собой.

Он улыбнулся. Мать умела говорить так, что даже неприятная правда переставала казаться обидной.

— А как же быть, если они действительно неправы?

— Не всегда нужно отвечать. Иногда достаточно прожить жизнь так, чтобы твои поступки говорили громче чужих слов.

В тот вечер Тато долго сидел у окна. Внизу слышались голоса прохожих, где-то неподалёку играла музыка, а из соседнего двора доносился звон посуды. Город жил своей обычной жизнью, и никому не было дела до того, что молодой человек впервые почувствовал себя ограниченным обстоятельствами, которые не выбирал.

Он думал о России, о продолжении образования, о службе, о будущем. Ему хотелось найти занятие, которое не зависело бы от того, насколько быстро он ходит или какое положение занимает его семья. Но он ещё не знал, где именно находится эта дорога.

Вскоре мысли о собственном будущем стали переплетаться у него с размышлениями о судьбе родной страны. Он слышал разговоры старших о переменах, происходивших в Грузии, о власти, о прошлом царства, о том, как менялась жизнь после присоединения к Российской империи. В этих разговорах было немало противоречий. Одни видели в новых обстоятельствах возможность порядка и защиты, другие с тревогой говорили об утрате прежней самостоятельности.

Тато ещё не обладал достаточными знаниями, чтобы судить обо всём этом. Но он уже понимал, что история — не только то, что происходило с царями и полководцами. Она входила в дома обычных людей, влияла на их возможности, меняла их судьбы и заставляла принимать решения, которых они прежде не ожидали.

Однажды вечером он спросил мать:

— Мама, а почему люди так часто говорят о прошлом, словно оно было лучше настоящего?

— Потому что прошлое уже нельзя изменить, — ответила Ефимия. — В нём остаётся то, что мы любим, и постепенно забывается то, от чего хотели бы избавиться.

— Значит, люди вспоминают не саму жизнь, а то, какой хотели бы её помнить?

— Иногда именно так. Но есть и другое. Человек может помнить прошлое не ради сожаления, а ради того, чтобы понять, что ему следует сохранить.

Тато задумался.

Он ещё не знал, насколько глубоко в его поэзии отзовётся эта мысль. Ему предстояло увидеть, как личная боль соединяется с тоской по родине, как любовь к человеку превращается в размышление о свободе, а невозможность изменить собственную судьбу становится частью более широкого вопроса о человеческом предназначении.

Пока же он только учился принимать то, что не мог изменить, и не отказываться от того, к чему стремился.

Так начиналась его взрослая жизнь — не с торжественного решения и не с громкого события, а с нескольких непростых открытий, после которых прежний мир уже не мог казаться таким простым.

Конец 5-й главы.

Глава 6. Друзья юности

В юности человек особенно нуждается в тех, с кем можно разделить не только радость, но и сомнения. Родители по-прежнему остаются самыми близкими людьми, учителя могут направить мысль, книги способны открыть новые миры, однако всё это не заменяет разговора с ровесником, который переживает похожие тревоги и ещё не научился скрывать свои чувства за взрослой рассудительностью.

Для Тато училище стало не только местом занятий. Здесь формировался круг общения, в котором он постепенно находил своё место. Одни товарищи были шумными и беспечными, другие предпочитали рассуждать о политике и литературе, третьи больше интересовались будущей службой и возможностями, которые открывало дворянское происхождение. Не со всеми он становился близок, но почти каждый оставлял в его памяти какой-нибудь след.

Ему нравились люди, которые умели говорить откровенно и не боялись признаться, что чего-то не знают. Он не любил пустого хвастовства, хотя и сам иногда поддавался мальчишескому желанию произвести впечатление. Впрочем, подобные попытки редко удавались ему надолго. Стоило разговору коснуться того, что действительно его занимало, как он забывал о необходимости казаться старше или значительнее.

Среди товарищей особенно выделялся один юноша, которого в нашем повествовании назовём Георгием. Это собирательный художественный образ, созданный для передачи атмосферы школьной дружбы, а не документально установленный портрет конкретного одноклассника Бараташвили.

Георгий был полной противоположностью Тато. Он говорил быстро, смеялся громко, легко вступал в спор и мог за несколько минут подружиться с человеком, которого прежде никогда не видел. Если Тато долго обдумывал ответ, Георгий уже успевал высказать три собственных мнения и предложить четвёртое.

— Ты когда-нибудь отвечаешь сразу? — спросил он однажды, когда они шли после занятий.

— Когда вопрос не требует размышлений.

— А кто определяет, требует он или нет?

— Тот, кто не хочет говорить глупости.

Георгий расхохотался.

— Вот поэтому с тобой трудно спорить. Ты всегда оставляешь себе возможность сказать, что ещё не всё обдумал.

— А ты, наоборот, сначала говоришь, а потом начинаешь думать.

— Зато мне никогда не бывает скучно!

Тато тоже рассмеялся. Ему нравилась эта лёгкость, хотя иногда он уставал от бесконечного потока слов. Впрочем, именно Георгий нередко вытаскивал его из привычного уединения и заставлял участвовать в общих затеях.

Однажды после уроков они вместе с несколькими товарищами отправились прогуляться по городу. День был ясный, и Тифлис казался особенно приветливым. Солнце освещало стены домов, на улицах пахло свежим хлебом, фруктами и дымом очагов. Из открытых окон доносились разговоры, а в одном из дворов кто-то настраивал струнный инструмент.

Георгий предложил свернуть на улицу, где, по его словам, находилось место, откуда открывался прекрасный вид на город.

— Ты там уже бывал? — спросил Тато.

— Нет.

— Тогда откуда знаешь, что вид прекрасный?

— Потому что иначе не может быть. Там же высота!

— Очень убедительное доказательство.

— Ты слишком много сомневаешься, Тато. Если бы люди сначала проверяли всё, о чём я говорю, никто бы никуда не ходил.

Они поднялись по узкой улице, несколько раз останавливаясь, чтобы пропустить встречных прохожих. Вскоре перед ними действительно открылся вид на часть города. Крыши домов спускались к реке, над кварталами поднимались церковные купола, а вдали виднелись горы, словно охранявшие Тифлис от всего внешнего мира.

Товарищи заговорили о том, каким город станет через двадцать или тридцать лет. Один предположил, что появятся новые улицы и большие здания, другой уверял, что торговля сделает Тифлис богаче, третий мечтал о широких дорогах и удобных домах.

— А ты что думаешь? — спросил Георгий.

Тато не сразу ответил.

— Мне хотелось бы, чтобы город стал лучше, но не потерял себя.

— Что значит — потерял себя?

— Посмотри вокруг. Здесь всё связано с тем, что было до нас. Даже если построить новые дома, нельзя сделать так, чтобы люди забыли старые улицы, песни, разговоры, обычаи.

— Но разве город не должен меняться?

— Должен. Только перемены бывают разными. Можно построить новый дом, не разрушая память о старом.

Георгий некоторое время смотрел на город.

— Знаешь, Тато, иногда ты говоришь так, будто тебе уже лет пятьдесят.

— А иногда ты ведёшь себя так, будто тебе всё ещё десять.

— Значит, мы прекрасно дополняем друг друга!

Они снова рассмеялись.

Такие прогулки постепенно стали для них привычными. Иногда друзья спорили о прочитанных книгах, иногда говорили о преподавателях, иногда просто шли по улицам, не имея определённой цели. В этих беседах Тато учился замечать, насколько по-разному люди воспринимают один и тот же мир.

Один товарищ мог увлечённо рассказывать о военных походах, другой — о театре, третий — о девушке, которую однажды увидел на семейном вечере и с тех пор не мог забыть. Тато слушал их с интересом. Он ещё не всегда понимал, что именно движет человеком, когда тот говорит о любви, ревности или честолюбии, но постепенно начинал чувствовать, что за каждым поступком скрывается целая история.

Особенно любил он вечера, когда друзья собирались вместе и разговор незаметно переходил от шуток к серьёзным темам. Тогда каждый пытался доказать, что его взгляд на жизнь

самый правильный, и даже самые скромные участники компании находили в себе смелость возразить остальным.

Однажды спор возник из-за прочитанного стихотворения. Один из молодых людей утверждал, что настоящая поэзия должна быть понятной каждому и не нуждается в сложных образах.

— Если человек пишет так, что его никто не понимает, зачем он вообще пишет? — спросил он.

— А если он говорит о том, чего другие ещё не умеют выразить? — возразил Тато.

— Тогда пусть объяснит.

— Не всё можно объяснить прямо. Иногда человек чувствует то, для чего ещё не придумано обычных слов.

— Значит, ты считаешь, что поэт может писать непонятно?

— Я считаю, что поэт должен быть честным. Если он пытается казаться умнее других, это одно. Но если он действительно переживает то, что не помещается в привычные слова, нельзя требовать от него, чтобы он сделал свою мысль проще только ради удобства читателя.

— А читатель тут ни при чём?

— Конечно, при чём. Но поэзия — не торговля, где каждый обязан предложить товар, который понравится покупателю.

Георгий хлопнул ладонью по столу.

— Вот теперь ты сказал что-то такое, с чем я согласен!

— А до этого не соглашался?

— До этого я просто ждал, когда ты закончишь.

Все засмеялись.

Тато тоже улыбнулся, но внутри у него продолжал жить этот спор. Он ещё не считал себя поэтом и не думал о том, что когда-нибудь его собственные стихи вызовут недоумение, восхищение или непонимание. Однако уже тогда он чувствовал, что слово должно быть свободным от желания понравиться любой ценой.

В кругу молодых людей нередко возникали разговоры о Грузии. Они вспоминали её историю, говорили о прежних царях, о войнах, о людях, чьи имена сохранились в преданиях. Иногда спорили о том, какой должна быть страна и что могут сделать для неё люди их поколения.

В таких беседах Тато становился особенно внимательным. Он редко пытался произвести впечатление громкими заявлениями, но его вопросы иногда заставляли остальных задуматься.

— Мы всё время говорим о том, какой была Грузия, — заметил он однажды. — А кто-нибудь думает о том, какой она станет?

— Для этого нужно знать, что происходит сейчас, — ответил один из товарищей.

— Именно. Нельзя жить только воспоминаниями.

— А разве прошлое ничего не значит?

— Значит. Но оно не должно заменять нам будущее.

Георгий поднял стакан с вином, которое хозяин дома предложил молодым гостям.

— За будущее Грузии! Только пусть оно наступит не слишком поздно, а то мы состаримся, пока его дождёмся.

Все поддержали тост.

Тато тоже поднял стакан, хотя его мысли были гораздо серьёзнее произнесённых слов. Он чувствовал, что любовь к родине не может ограничиваться красивыми речами и воспоминаниями о великих предках. Но как именно молодой человек должен служить своей стране, если у него пока нет ни положения, ни богатства, ни возможности влиять на события, он ещё не знал.

Иногда в разговорах возникало имя Григола Орбелиани, дяди Тато по материнской линии. Это был человек известный, военный и поэт, представитель грузинского дворянства, чья жизнь была связана с событиями и противоречиями эпохи. Для Тато он был не только

родственником, но и одним из тех людей, чья судьба могла служить примером того, как поэзия и общественная жизнь переплетаются в одной человеческой биографии.

— Тебе повезло, — сказал однажды Георгий. — У тебя среди родственников есть известные люди.

— А ты думаешь, известная фамилия делает человека лучше?

— Нет, но она хотя бы помогает войти в комнату, куда других не пустят.

— Возможно. Только потом всё равно придётся самому отвечать за то, что ты там скажешь.

Георгий рассмеялся.

— Вот за это я тебя и уважаю. Ты даже собственному преимуществу не позволяешь тебя радовать.

— Я радуюсь тому, что имею. Но не хочу считать чужие заслуги своими.

В этих словах проявлялась черта, которая с годами станет всё заметнее: Тато стремился сохранить внутреннюю независимость, даже когда обстоятельства могли бы сделать его более уступчивым. Он уважал происхождение и традиции, но не хотел, чтобы они заменяли личную ответственность.

Однако дружба юности не состояла из одних разговоров о судьбе родины и человеческом достоинстве. Бывали и совершенно беззаботные дни, когда компания отправлялась за город, спорила о пустяках, смеялась над неудачными шутками и возвращалась домой затемно. Тато мог подолгу наблюдать за товарищами, замечая, как меняется их настроение, как один человек становится смелее рядом с другим, а третий старается скрыть обиду за насмешкой.

Он постепенно открывал для себя, что дружба требует не только общих интересов, но и терпения. Не каждый близкий человек способен понять тебя сразу. Иногда нужно выслушать то, с чем ты не согласен, иногда — простить неловкое слово, а иногда — прямо сказать другу, что он поступает неправильно.

Однажды Георгий пришёл к нему поздно вечером. Он был необычно серьёзен и, едва переступив порог, попросил поговорить без посторонних.

— Что случилось? — спросил Тато.

— Я поссорился с отцом.

— Сильно?

— Он хочет, чтобы я поступил на службу. Говорит, что пора перестать тратить время на пустяки.

— А ты не хочешь?

— Не хочу именно сейчас. Мне кажется, я ещё ничего не видел и ничего не понял. Как можно выбрать всю жизнь, если ты даже не знаешь, чего от неё ждёшь?

Тато невольно улыбнулся.

— Ты говоришь почти моими словами.

— Только у тебя отец, кажется, не требует от тебя немедленно определиться.

— Он тоже думает о моём будущем. Просто мы пока не нашли решения.

Георгий прошёлся по комнате.

— А если отец прав? Может быть, действительно пора становиться взрослым?

— А что ты понимаешь под взрослостью?

— Уметь отвечать за себя.

— Тогда, пожалуй, ты уже начал взрослеть. Ведь ты пришёл сюда не для того, чтобы жаловаться, а чтобы понять, что делать дальше.

Георгий остановился.

— Ты всегда умеешь найти хорошую сторону даже в неприятностях.

— Нет. Просто не хочу принимать первое решение только потому, что мне сейчас тяжело.

Они ещё долго разговаривали. Тато не давал другу готовых советов и не пытался убедить его, что отец неправ. Он только помогал ему рассмотреть ситуацию с разных сторон. Постепенно Георгий успокоился и признался, что, возможно, сам был слишком резок во время разговора.

Когда гость ушёл, Тато ещё некоторое время сидел у стола. Он думал о том, как странно устроена человеческая близость: порой человек приходит к тебе с проблемой, а в результате вы оба начинаете лучше понимать собственную жизнь.

Вскоре он заметил, что друзья всё чаще обращаются к нему за советом. Ему не всегда удавалось помочь, но он никогда не относился к чужим переживаниям легкомысленно. Возможно, именно тогда в нём зарождалось то качество, которое позднее будет проявляться и в его поэзии: способность видеть за внешним поступком внутреннюю драму человека.

Юность постепенно приобретала собственный ритм. Учёба, домашние обязанности, встречи с товарищами, прогулки по Тифлису, разговоры о будущем — всё это складывалось в жизнь, которая с каждым годом становилась сложнее и интереснее.

Тато уже не был ребёнком, ожидающим от взрослых объяснений. Он начинал самостоятельно оценивать происходящее, хотя ещё часто ошибался и далеко не всегда понимал мотивы окружающих. Его сердце было открыто миру, но мир не торопился отвечать ему взаимностью.

Впереди его ждали новые испытания, и некоторые из них окажутся гораздо болезненнее тех, с которыми он столкнулся до сих пор. Но пока рядом были товарищи, с которыми можно было смеяться, спорить и мечтать. И пока существовал Тифлис — город, в котором каждый день открывал перед ним что-нибудь новое.

Однажды, возвращаясь домой после долгой прогулки, Тато остановился на улице и посмотрел на вечернее небо. Над крышами зажигались первые звёзды, в окнах появлялся тёплый свет, а где-то вдали звучала музыка. Он подумал, что жизнь, наверное, и состоит из таких мгновений, которые кажутся обыкновенными, пока не проходят годы и человек не начинает понимать, насколько дорогими они были.

Он ещё не знал, что однажды будет вспоминать эту юность с особенной нежностью, что многие лица исчезнут из его повседневной жизни, а некоторые разговоры навсегда останутся только в памяти. Но уже теперь он чувствовал, что взросление не означает расставания с мечтами. Скорее, оно учит человека платить за них собственной смелостью, терпением и верностью себе.

И, может быть, именно поэтому Тато так дорожил дружбой: рядом с друзьями ему ещё удавалось оставаться тем молодым человеком, которому хотелось верить, что впереди достаточно времени, чтобы многое изменить.

А впереди его действительно ждало многое. Только совсем скоро в его жизнь войдёт чувство, которое окажется сильнее рассудка и не спросит разрешения ни у разума, ни у обстоятельств.

Конец 6-й главы.

Глава 7. Город за крепостными стенами

Тифлис никогда не был для Тато просто местом, где он родился и провёл детство. Чем старше он становился, тем яснее понимал, что город обладает собственной душой, которую невозможно увидеть с одной улицы или из окна родительского дома. Чтобы узнать его, нужно было ходить по его переулкам, слушать разговоры жителей, заглядывать во дворы, наблюдать за торговцами, ремесленниками, чиновниками и теми, кто приходил сюда из далёких мест в надежде найти работу или начать новую жизнь.

Город менялся вместе с людьми, и каждый его квартал словно рассказывал отдельную историю.

Старый Тифлис жил шумно и многолико. Над узкими улицами нависали балконы, деревянные галереи соединяли дома, а за резными дверями скрывались небольшие дворики, где

соседи знали друг друга по голосам и привычкам. Летом здесь пахло нагретым деревом, фруктами и пылью, зимой — дымом очагов и влажным камнем. В лавках торговались, в мастерских стучали молотки, из открытых окон доносились песни, а на перекрёстках можно было услышать сразу несколько языков.

Тато особенно нравилось наблюдать за тем, как город просыпается. Он замечал людей, которые появлялись на улицах почти в одно и то же время, знал, у какой лавки обычно задерживаются торговцы, где собираются старики, а где молодёжь любит проводить свободные часы. Некоторые лица становились ему знакомыми, хотя он никогда не разговаривал с их обладателями.

Однажды утром он попросил разрешения отправиться в город одному. Ефимия сначала отнеслась к этому желанию с осторожностью.

— Ты ведь знаешь, что я не люблю, когда ты уходишь без предупреждения.

— Я не собираюсь далеко. Хочу пройтись по старым улицам.

— И долго будешь гулять?

— Вернусь к обеду.

Мать внимательно посмотрела на него.

— Тогда обещай, что не станешь задерживаться без причины.

— Обещаю.

Она всё же дала ему несколько наставлений, после чего Тато вышел из дома с тем особенным чувством свободы, которое возникает у молодого человека, когда ему впервые доверяют самостоятельно распоряжаться своим временем.

Он направился к старым кварталам. По дороге ему встретился знакомый ремесленник, который чинил деревянную раму у входа в мастерскую. Тато остановился поздороваться.

— Доброе утро! Как работа?

— Работа не спрашивает, какое сегодня утро, княжич, — ответил тот, не прекращая своего занятия. — Если рама сломалась, её нужно чинить и в дождь, и в праздник.

— Значит, у ремесленника нет выходных?

— Есть, конечно. Только иногда их приходится ждать дольше, чем хотелось бы.

Тато улыбнулся и задержался ещё на несколько минут. Ему нравилось разговаривать с людьми, которые не старались казаться кем-то другим. Они говорили о своих заботах прямо, не украшали жизнь красивыми словами и редко жаловались без причины.

Чуть дальше он увидел пожилого торговца, раскладывавшего на прилавке товар. Рядом стояли две женщины, обсуждавшие цены. Их разговор постепенно перешёл на нехватку денег, дороговизну и трудности, с которыми сталкивались семьи.

— Раньше было легче, — сказала одна из женщин.

— Раньше тоже жаловались, — возразила другая. — Только теперь мы забываем, на что жаловались тогда.

Тато невольно остановился. В этих словах было что-то похожее на недавний разговор с матерью о прошлом и памяти.

Он пошёл дальше, размышляя о том, как различаются человеческие судьбы. Для одних город был местом торговли и заработка, для других — пространством семейной памяти, для третьих — дорогой к службе или образованию. Но каждый зависел от того, что происходило вокруг, даже если не интересовался политикой и не знал имён людей, принимавших важные решения.

У одного из перекрёстков Тато встретил Георгия. Тот стоял возле небольшой лавки и оживлённо беседовал с молодым человеком.

— Вот кого я хотел увидеть! — воскликнул Георгий, заметив приятеля. — Ты куда направляешься?

— Просто гуляю.

— Тогда пойдём с нами. Мы собираемся пройти к реке.

— А кто это с тобой?

— Знакомый моего знакомого, который, как выяснилось, знает половину Тифлиса и считает себя знатоком другой половины.

Молодой человек рассмеялся и протянул Тато руку.

— Давид, — представился он.

— Тато.

Они познакомились и отправились вместе. Давид оказался человеком разговорчивым, но не таким шумным, как Георгий. Он хорошо знал городские кварталы, интересовался торговлей и часто бывал в местах, куда Тато редко заходил.

По дороге Давид рассказывал о людях, которые приезжали в Тифлис из разных областей Грузии и соседних стран. Одни искали работу, другие привозили товары, третьи надеялись найти покровителей или получить место на службе.

— Город похож на большой перекрёсток, — заметил Давид. — Здесь каждый куда-нибудь направляется, даже если сам этого не понимает.

— А ты? — спросил Тато. — Куда направляешься?

— Пока туда, где можно заработать. Потом, может быть, туда, где можно жить спокойнее.

— А разве здесь нельзя жить спокойно?

Давид посмотрел на него с лёгкой улыбкой.

— Ты, княжич, видишь город со стороны человека, у которого есть дом и семья. А для того, кто приехал сюда без денег и связей, спокойствие выглядит совсем иначе.

Тато почувствовал, что в его словах нет желания обидеть. Давид просто говорил о другом опыте, который сам Тато пока не знал.

— Наверное, ты прав, — ответил он. — Я не обо всём могу судить.

— Уже хорошо, — заметил Георгий. — А то обычно ты сначала споришь, а потом признаёшь, что собеседник тоже человек разумный.

Они рассмеялись.

К полудню друзья вышли к реке. Кура несла свои воды между берегами, и город отражался в ней неровными пятнами света. На другом берегу виднелись дома, мосты и дороги, по которым двигались люди. Тато долго смотрел на воду.

— Ты часто сюда приходишь? — спросил Давид.

— Не так часто, как хотелось бы.

— А что тебя здесь привлекает?

— Не знаю. Наверное, то, что река всё время движется, хотя город остаётся на месте.

— Значит, ты находишь в реке философию?

— Возможно.

Георгий покачал головой.

— С ним невозможно спокойно прогуляться. Даже вода у него превращается в рассуждение о жизни.

Но Тато не обиделся. Он действительно чувствовал, что в движении реки есть что-то удивительное. Вода проходила мимо домов, мостов и человеческих судеб, не задерживаясь ни у одного берега. Люди рождались, любили, ссорились, строили планы, умирали, а река продолжала свой путь.

— Иногда мне кажется, — произнёс он, — что человек тоже должен куда-нибудь двигаться. Даже если не знает, куда именно.

Давид посмотрел на него.

— Главное, чтобы он не перепутал движение с бегством.

Эта фраза неожиданно понравилась Тато. Он повторил её про себя, стараясь запомнить.

В тот день они ещё долго бродили по городу. Заходили в небольшие лавки, наблюдали за работой ремесленников, встречали знакомых Георгия. Иногда разговоры становились шумными, иногда переходили в серьёзные споры. Тато всё больше убеждался, что Тифлис нельзя понять, оставаясь в пределах одного круга общения.

Особенно его занимали люди, чья жизнь складывалась совсем иначе, чем жизнь его семьи. Он видел стариков, которые торговали на улицах, молодых работников, возвращавшихся после тяжёлого дня, женщин, несших домой покупки, детей, игравших в пыльных переулках. У каждого было собственное представление о счастье, собственные тревоги и собственная память.

Вечером, возвращаясь домой, Тато встретил пожилого человека, сидевшего у входа в небольшой дом. Тот смотрел на прохожих, опираясь на трость.

— Добрый вечер, — поздоровался Тато.

Старик ответил и после короткого разговора спросил:

— Ты часто ходишь по этим улицам?

— Когда есть свободное время.

— Тогда смотри внимательнее. Город меняется быстрее, чем кажется. То, что сегодня стоит перед тобой, завтра может исчезнуть.

— Но ведь люди помнят прежние улицы?

— Помнят, пока живы те, кто их знал. Потом остаются рассказы. А ещё позже — только названия.

Тато посмотрел на старика с интересом.

— Значит, город тоже может умереть?

— Не совсем. Иногда умирают его дома, иногда — его привычки, иногда — люди, которые делали его узнаваемым. Но город продолжает жить, если остаётся кому его любить.

Тато поблагодарил старика и пошёл дальше. Он чувствовал, что этот разговор продолжает то, о чём он думал весь день. Город не был неподвижной декорацией, среди которой разворачивается человеческая жизнь. Он сам становился частью человеческой судьбы, впитывал радости и горести своих жителей, сохранял их голоса и постепенно превращал их в собственную память.

Дома Ефимия встретила сына с лёгким беспокойством.

— Ты обещал вернуться к обеду.

— Прости, мама. Я задержался.

— Где ты был?

— Гулял по старым улицам, потом встретил Георгия и одного его знакомого. Мы долго ходили по городу.

— И что нового ты узнал?

Тато задумался, затем ответил:

— Что я знаю о Тифлисе гораздо меньше, чем думал.

Ефимия улыбнулась.

— Это хорошее открытие. С него начинается настоящее знание.

Он рассказал ей о встрече с ремесленником, о разговоре с Давидом, о старике, который говорил о памяти города. Мать слушала внимательно и иногда задавала уточняющие вопросы.

— Видишь, — сказала она наконец, — книги дают нам возможность узнать то, чего мы не видели. Но иногда достаточно выйти за порог, чтобы понять, сколько ещё осталось неизвестного.

Тато посмотрел на неё.

— Значит, чтобы написать о городе, нужно знать не только его историю?

— Нужно знать людей, которые в нём живут.

Он ничего не ответил, но слова матери остались с ним.

В последующие недели он всё чаще стал выходить на прогулки. Тифлис открывался ему постепенно, и вместе с этим менялось его отношение к самому себе. Он всё меньше чувствовал себя только сыном княжеской семьи и учеником училища. Ему хотелось понять людей, которые жили рядом, и узнать, что скрывается за привычными выражениями, жестами и поступками.

Он ещё не умел превращать увиденное в стихи, но уже собирал материал для будущей поэзии, даже не подозревая об этом.

Город за крепостными стенами переставал быть для него просто родным местом. Он становился целым миром, в котором каждый человек имел право на собственную историю.

И в этом мире Тато предстояло встретить не только дружбу и разочарование, но и любовь.

Конец 7-й главы.

Глава 8. Девушка у окна

Весна в Тифлисе приходила постепенно. Сначала становились мягче утренние часы, затем на деревьях появлялись первые нежные листья, а солнечный свет начинал задерживаться на крышах домов дольше обычного. Город словно освобождался от зимней сдержанности и вновь наполнялся голосами, музыкой и ожиданием перемен.

Для Тато весна всегда имела особое значение. Он любил это время года за его способность возвращать человеку надежду, даже если зима оставила после себя немало неприятных воспоминаний. В такие дни ему хотелось больше гулять, читать, разговаривать с друзьями и наблюдать за тем, как меняется окружающий мир.

Однажды Георгий сообщил ему, что в доме одного знакомого состоится небольшой музыкальный вечер.

— Ты пойдёшь со мной? — спросил он.

— А кто будет?

— Несколько семей, знакомые моего отца, молодые люди. Будет музыка, разговоры, возможно, танцы.

— Тогда почему ты так торопишься?

— Потому что мне сказали, что там будут девушки.

Тато улыбнулся.

— Теперь понятно.

— Не смотри на меня так. Ты ведь тоже должен когда-нибудь познакомиться с кем-нибудь, кроме книг и собственных мыслей.

— А ты уже составил список подходящих знакомых?

— Пока нет. Но вечер обещает быть интересным.

Тато не собирался отказываться. Ему было любопытно увидеть людей, о которых Георгий говорил с таким воодушевлением, да и сам он уже начинал испытывать интерес к той части жизни, которая прежде казалась ему далёкой и несколько загадочной.

В назначенный день они отправились вместе. Дом, где устраивали вечер, принадлежал одной из состоятельных тифлисских семей. Гостей встречали в просторной комнате, украшенной коврами и картинами. На столах стояли блюда с фруктами, сладостями и напитками. В соседнем помещении музыканты готовились к выступлению.

Тато вошёл вслед за Георгием и на несколько мгновений остановился, осматриваясь. Он заметил знакомые лица, услышал несколько приветствий и вскоре оказался втянут в разговор о последних городских новостях.

Георгий, как обычно, быстро освоился. Он успел поздороваться с хозяином дома, обменяться шутками с молодыми людьми и уже через несколько минут стоял возле группы девушек, стараясь привлечь их внимание.

Тато держался несколько в стороне. Он не испытывал неловкости, но не любил начинать разговор только ради того, чтобы заполнить тишину. Ему было интереснее наблюдать за людьми, слушать их интонации и пытаться понять, что скрывается за привычными словами.

Музыканты начали играть. Сначала прозвучала мелодия, знакомая многим присутствующим, затем другая, более медленная и задумчивая. Разговоры постепенно стихли, и гости стали внимательнее прислушиваться к музыке.

Именно тогда Тато впервые заметил девушку у окна.

Она стояла немного в стороне от остальных, возле открытой створки, через которую в комнату проникал вечерний воздух. На ней было светлое платье, а волосы были аккуратно убраны. Девушка не старалась привлечь к себе внимание, не смеялась громче других и не искала взглядов молодых людей. Она слушала музыку, слегка наклонив голову, словно старалась уловить не только мелодию, но и то, что скрывалось за ней.

Тато задержал на ней взгляд дольше, чем собирался.

Он не знал её имени, не слышал её голоса и даже не был уверен, что она заметила его присутствие. Но в её спокойной сосредоточенности было что-то, что отличало её от остальных гостей.

— Ты уже нашёл себе занятие? — неожиданно спросил Георгий, появившись рядом.

Тато отвёл глаза.

— Какое занятие?

— Не притворяйся. Я видел, куда ты смотришь.

— Я слушал музыку.

— Разумеется. И музыка, конечно, находилась возле окна.

Тато усмехнулся.

— Ты невыносим.

— Зато наблюдателен. Пойдём, я познакомлю тебя с ней.

— Не нужно.

— Почему?

— Потому что я даже не знаю, хочет ли она знакомиться.

Георгий удивлённо посмотрел на него.

— С каких это пор ты стал таким осторожным?

— С тех пор, как понял, что человек не обязан отвечать на каждое наше желание.

— Ну что ж, философ. Тогда оставайся здесь и продолжай слушать музыку.

Георгий ушёл, а Тато снова посмотрел в сторону окна. Девушка уже разговаривала с пожилой женщиной, стоявшей рядом. Она улыбалась, но улыбка её была сдержанной и спокойной.

Вскоре гости начали перемещаться по комнатам. Кто-то приглашал девушек на танец, кто-то обсуждал выступление музыкантов, а хозяин дома обходил приглашённых, проверяя, всем ли удобно.

Тато оказался возле небольшого столика, где лежали книги и несколько нотных тетрадей. Он взял одну из них, пролистал и услышал рядом голос:

— Вы интересуетесь музыкой?

Он обернулся.

Перед ним стояла та самая девушка.

— Не уверен, что достаточно хорошо в ней разбираюсь, — ответил он. — Но люблю слушать.

— Иногда этого достаточно.

— А вы занимаетесь музыкой?

— Немного. Мне больше нравится слушать, чем играть.

— Почему?

Девушка слегка улыбнулась.

— Когда играешь сама, приходится думать о нотах, движениях и том, чтобы не ошибиться. А когда слушаешь, можно позволить себе просто чувствовать.

Тато посмотрел на неё с интересом.

— Мне кажется, это относится не только к музыке.

— Возможно. Но вы, кажется, привыкли всё объяснять.

Он смутился.

— Не всегда.

— Тогда сегодня у вас есть возможность попробовать просто слушать.

Девушка улыбнулась и отошла к другим гостям.

Тато остался у столика, держа в руках нотную тетрадь. Он чувствовал себя несколько растерянным. Разговор был коротким и совершенно обыкновенным, но в нём оказалось больше живого интереса, чем во многих продолжительных беседах.

Через некоторое время Георгий снова подошёл к нему.

— Ну что, познакомился?

— Да.

— И как?

— Нормально.

— Только нормально?

— А что ты хотел услышать?

— Хотя бы её имя!

Тато посмотрел на него и вдруг понял, что действительно не спросил имени девушки.

Георгий рассмеялся так громко, что несколько человек обернулись.

— Вот это да! Ты умудрился поговорить с девушкой и не узнать, как её зовут!

— Не вижу в этом трагедии.

— А я вижу. Теперь придётся выяснять.

— Не нужно ничего выяснять.

— Хорошо, не буду. Но если судьба снова сведёт вас, постарайся хотя бы запомнить имя.

Тато покачал головой, но улыбнулся.

Вечер продолжался. Музыканты исполнили ещё несколько произведений, затем начались танцы. Георгий успел пригласить на танец одну из девушек и теперь с таким усердием демонстрировал свои умения, что Тато невольно рассмеялся.

Сам он не танцевал. Ему хотелось ещё раз поговорить с незнакомкой, но он не знал, как подойти к ней, не показавшись навязчивым. Несколько раз их взгляды встречались, и каждый раз Тато отводил глаза чуть раньше, чем следовало бы.

Когда гости стали расходиться, он уже решил, что вечер закончится без новой встречи. Однако у выхода девушка оказалась рядом с ним.

— До свидания, — сказала она.

— До свидания.

— Надеюсь, вам понравилась музыка.

— Очень. Особенно последняя мелодия.

— Мне тоже.

Он хотел спросить, как её зовут, но в этот момент к девушке подошла сопровождавшая её женщина. Они попрощались с хозяевами и вышли.

Тато остался стоять у двери, чувствуя странное сожаление. Он не знал, увидит ли её снова, и не мог объяснить, почему ему так хотелось этого.

На обратном пути Георгий не упускал случая поддразнить приятеля.

— Ну что, как тебе вечер?

— Хорошо.

— А девушка?

— Тоже хорошо.

— Она тебе понравилась?

Тато некоторое время молчал.

— Да, пожалуй.

Георгий удивлённо посмотрел на него. Он ожидал очередной уклончивой фразы, но Тато ответил совершенно спокойно.

— И что теперь?

— Ничего. Я ведь даже не знаю, как её зовут.

— Узнаешь.

— Возможно.

— И снова начнёшь рассуждать о том, что человек не обязан отвечать на наши желания?

— А разве это неправда?

Георгий рассмеялся.

— Правда. Но иногда человеку всё-таки нужно сделать первый шаг.

Тато ничего не ответил. Он смотрел на освещённые окна домов и думал о девушке, которую видел всего несколько минут, но которая почему-то продолжала оставаться в его мыслях.

Дома он долго не мог уснуть. Перед глазами возникало её лицо, вспоминался голос, спокойная улыбка и слова о музыке, которую можно просто чувствовать. Он пытался убедить себя, что это всего лишь впечатление от необычного знакомства, что завтра он займётся обычными делами и забудет о сегодняшнем вечере.

Но утром, едва проснувшись, он снова вспомнил о ней.

За завтраком Ефимия заметила, что сын необычно задумчив.

— Ты вчера поздно вернулся?

— Не очень.

— И как прошёл вечер?

— Хорошо. Там была музыка.

— Только музыка?

Тато поднял глаза.

— А что ещё должно было быть?

Мать улыбнулась, но не стала продолжать расспросы.

— Ты стал чаще задумываться о чём-то своём.

— Разве это плохо?

— Нет. Просто иногда человеку полезно делиться тем, что занимает его мысли.

— А если он сам ещё не понимает, что именно его занимает?

Ефимия посмотрела на сына с мягкой улыбкой.

— Тогда не нужно торопить события.

Тато понял, что мать, возможно, догадывается о причине его задумчивости, но не желает вмешиваться. Он был ей благодарен за это.

В тот день он отправился на занятия, однако мысли его то и дело возвращались к музыкальному вечеру. В какой-то момент он поймал себя на том, что пытается вспомнить каждое слово девушки, каждое движение её рук, даже то, как она стояла у окна и слушала музыку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.